

Когда все ушли, ранее закрытые дворцовые ворота медленно распахнулись. Лу Це, наблюдая за удаляющейся спиной стража, холодно усмехнулся:

— Фу Чэнцы взял у меня лекарство, чтобы спасти этого неблагодарного.

Жуань Дао спросил:

— Стоит ли сообщить князю Цзянбэю?

Лу Це холодно приподнял бровь:

— Сказать? А поверит ли он?

Жуань Дао замолчал.

Все уже собрались в императорском саду. Сановники и наложницы заняли свои места.

Лишь главное место за центральным столом оставалось пустым. Спустя мгновение император Чэндэ появился в сопровождении новой фаворитки — наложницы, которая в последнее время пользовалась наибольшей благосклонностью во внутренних покоях.

Наложница Чжао.

Нежное тело красавицы постоянно лениво обвивало императора, и именно эта жеманная манера почему-то весьма нравилась государю.

Император Чэндэ обнял круглые плечи любимой наложницы, легонько вдыхая аромат её волос. Благоухание одежд и причёски... Если бы кто-то, осмелившийся нарушить покой августейшего лица, посмотрел вверх, то обнаружил бы, что во взгляде императора, обращённом к этой фаворитке, читались не страсть и не обожание, а глубокая привязанность и ностальгия.

Лу Це бросил взгляд вверх, и как раз в этот момент взгляд наложницы Чжао скользнул вниз. Её рука, мягкая и бескостная, обнимала императора. Встретившись глазами с Лу Це, она одарила его лёгкой, сияющей улыбкой.

Эта улыбка почему-то показалась Лу Це знакомой. Рука, сжимавшая чашу, невольно напряглась.

Когда дворцовый пир завершился, уже стемнело и стало холодно. Лу Це выпил много вина, чтобы согреться, но после нескольких шагов жар не пришёл, а ноги стали немного ватными.

Выйдя за дворцовые ворота, он встретил порыв пронизывающего ветра со всех сторон, который развеял половину хмеля.

Перед Лу Це остановилась роскошная карета соответствующего ранга. Занавеска была откинута, открыв мужественное лицо мужчины. Фу Чэнцы сказал:

— В моей карете приготовлен тёплый чай. Не желает ли князь Лин подняться и согреться?

Вэй Е, которого ранее заставили поменяться каретами на полпути, позволил себе корректную, ничуть не нарушающую приличий улыбку.

Лу Це чувствовал, что становится всё более восприимчивым к холоду. В этот момент, даже если бы Фу Чэнцы был свирепым хищником, он бы всё равно пошёл погреться.

Карета была очень просторной, для двоих ещё оставалось место.

Приготовленный чай ещё дымился, пар клубился, наполняя всё пространство.

Лу Це держал чашку в обеих руках, но не пил. Дождавшись, когда напиток остынет до тёплого, он выпил залпом и стал ждать следующую чашку.

Фу Чэнцы с улыбкой подлил ему чаю, не разоблачая его уловку.

— А что, если нам попробовать как следует поладить друг с другом, — совершенно спокойно произнёс Фу Чэнцы эти слова.

Услышав это, Лу Це едва не выплюнул чай, который только что проглотил.

Фу Чэнцы слегка вздохнул и с величайшей нежностью вытер чай с уголков его губ.

— Четыре года назад в Цзянбэе у нас уже была судьба. Однако в то время я был молод и неопытен, в постельных делах слишком груб и бесцеремонен, и обращался с тобой не столь мягко... — Он сделал паузу, затем продолжил:

— Ты несколько раз увещевал меня, вероятно, тоже был не равнодушен ко мне. Теперь, попробовав былую остроту, наверняка испытаешь особый вкус.

Взгляд Фу Чэнцы был полон глубоких чувств, когда он смотрел на него, и, естественно, он не упустил хрупкость, мелькнувшую в глубине его глаз.

Внутри он насмешливо усмехнулся, внешне же оставаясь непоколебимо глубоко чувствующим. Его глаза сверкали, словно звёзды, в дымке и тумане.

Лу Це несколько растерялся. Чайная чашка в его руках теперь казалась обжигающе горячей, и он швырнул её на стол. Оставшийся тёплым чай брызгами разлетелся.

Фу Чэнцы тоже был удивлён его столь бурной реакцией. Он ещё не видел у этого человека такой стыдливой стороны. Покрасневшие уши слишком сильно вызвали желание притянуть его к себе, а затем словами и руками дразнить и заигрывать с ним.

Он опустил голову и тихо усмехнулся, не издав ни звука.

Прежде чем тот разозлился от стыда, он вновь принял серьёзный вид, тихо вздохнул и сказал слова, полные раненых чувств:

— Ты всё ещё сердись на меня?

Губы Лу Це дрогнули, он смотрел на него довольно долго. Тот, казалось, был очень терпелив — не торопил, не говорил, просто спокойно смотрел на него, как будто действительно соответствуя образу глубоко и безрассудно влюблённого.

— Прежде моё поведение было грубым, и сейчас я тоже проявил бесцеремонность. Подумай об этом хорошенько. То, что я сказал сегодня вечером, было обдуманно долго, — Фу Чэнцы ткнул пальцем в грудь, брови слегка сведены, резкие черты лица казались сглаженными и округлыми, так же, как и его помыслы, скользкими и непостижимыми. Затем послышалось:

— Искренне.

Развязное поведение человека перед ним заставило Лу Це едва сдерживать смех. Вместо того чтобы отступить, он наклонился вперёд, приближаясь:

— Сегодняшние похабные речи князя Цзянбэя действительно открыли мне глаза.

Зрачки Фу Чэнцы резко сузились по мере приближения того человека, но он безупречно скрыл недоумение в глубине глаз и очень быстро восстановил своё легкомысленное, глубоко чувственное выражение. Взяв его за руку с чувством, он сказал:

— Похабные речи или слова от всего сердца, ваша светлость князь Лин, почему бы не попробовать?

В этой узкой, тесной карете они противостояли друг другу, под поверхностью текла скрытая борьба, и никто не желал отступить ни на шаг.

— Сегодня я выпил, не подходящее время обсуждать подобное. Давай поговорим об этом в другой раз, — Лу Це намеренно уходил от его темы.

Были ли слова, сказанные ему Фу Чэнцы, искренними или лицемерными, в общем, сегодня вечером первоначальный чёткий план едва не рухнул перед этими речами.

Нельзя сказать, что разошлись ссорясь, но и нельзя сказать, что беседа была очень приятной.

В ту же ночь, в кабинете резиденции князя Цзянбэя.

Фу Чэнцы спокойно отдал приказ Вэй Е:

— Отзови всех людей вокруг резиденции князя Лина. Потом пошли людей в кладовую выбрать какие-нибудь хорошие вещи и отправить ему с извинениями.

Вэй Е с любопытством спросил:

— Ваша светлость хочет помириться с князем Лином?

Если бы раньше, Фу Чэнцы никогда бы не обсуждал подобное с другими, но сегодня он был в особенно хорошем настроении. Противостояние с равным противником, скрытое ощущение верной победы — как могла эта радость не радовать его?

Это чувство невольно заставляло расслабиться и стать вальяжным.

— Помириться с ним — это всего лишь формальность. К тому же он изначально не слишком настороженно ко мне относится. Если я первым проявлю слабость, разве он упустит возможность подняться по лестнице? Когда наступит время, и я захочу что-то узнать, разве это не будет подобно доставанию вещи из сумки? — Закончив говорить, Фу Чэнцы едва заметно усмехнулся:

— Более того, мне ещё любопытнее, какую цель он преследует, снова и снова пытаюсь заставить меня вернуться в Цзянбэй. Старый император следит за мной уже так долго. Если я уеду сейчас, разве все усилия не пропадут даром?

Тот, кто ещё недавно изливался в любовных признаниях, в мгновение ока перешёл к взаимным расчётам. Выслушав это, выражение лица Вэй Е стало сложным. Спустя долгое время, вздохнув, он подумал, что ему всё же больше подходят задания, не требующие размышлений, поскольку они проще.

На следующий день.

Лу Юй нанёс визит в резиденцию Цзянбэя.

Хотя он был уверен в чувствах между собой и Фу Чэнцы, но если дело не было стопроцентно гарантированным, он ни за что не хотел рисковать и ставить себя в опасное положение.

Мужчина, наливавший перед ним чай, имел брови-мечи и глаза-звёзды, прямой нос и тонкие губы. Неразвеивающаяся между бровями аура крови и убийств была отточена в многочисленных испытаниях. Героический, божественно храбрый, подобный нисходящему с небес божественному воителю, его невозможно было игнорировать.

Этот мужчина занимал высокое положение и обладал большой властью, был главным героем девичьих грёз в столичных покоях, восходящей звездой в борьбе за истинное положение. Между его бровями таилась неразвеивающаяся мрачность и холодность, но, обращаясь к нему, эта суровость превращалась в дюйм за дюймом в удушающую нежность.

Лу Юй наслаждался его изысканной и деликатной заботой. Он думал, что если бы он не был наследным принцем, а просто беззаботным и праздным князем, без этого ощущения колючек за спиной, то действительно можно было бы завести несколько послушных и приятных мальчиков.

В последнее время император Чэндэ действительно пристально следил. С момента окончания утренней аудиенции и до отметки в Министерстве церемоний, на обратном пути домой, даже когда он ел в придорожной харчевне, Лу Це чувствовал за спиной хвост, от которого никак не мог избавиться.

Однако за этим хвостом стояла императорская фамилия. Как бы Лу Це ни смотрел на людей с неприязнью, он не смел пренебрегать этим лицом, да и не мог.

Он также знал, что император Чэндэ этим накладывал на него смертельный приказ: независимо от того, получит он сегодня воинскую печать или нет, в резиденцию Цзянбэя он должен отправиться!

Нельзя идти открыто днём, самый подходящий момент — глубокая ночь.

Он никогда не был человеком, склонным к промедлению. Если сказал, что будет действовать ночью, значит, будет действовать ночью.

Оставив Жуань Дао присматривать за домом, Лу Це заткнул за пояс кинжал для самообороны, переоделся в ночную одежду и вышел из резиденции через чёрный ход.

Как только он один отправился в путь ночью, шаги вокруг него стали более частыми.

Несколько тёмных теней промелькнули, подобно призракам, скользя между домами, неотступно преследуя.

Гадский гун начинает применять тяжёлую артиллерию.

Когда наступит время кремации, я обязательно его прикончу!!!

Злюсь L_ J

Спасибо за прочтение.

<http://bllate.org/book/15603/1392939>